Комментарий № 20
9 января 2019

Пересмотр мирового порядка: устойчивость и вызовы

Захарий Пайкин

Резюме

В период, последовавший за холодной войной, и Россия, и Европейский союз оставались приверженными идее создания единого европейского пространства от Лиссабона до Владивостока, несмотря на многочисленные препятствия и различия в представлениях о том, как именно эту идею нужно реализовывать. Однако в 2014 году, с аннексией Крыма Россией и началом украинского кризиса, этим надеждам пришел конец. С тех пор популярными стали размышления о том, не представляет ли эта новая конфронтация между Москвой и западными столицами непосредственную угрозу для либерального мирового порядка. И действительно, существуют веские причины полагать, что новый российский реваншизм может ознаменовать коренной перелом в его истории.

В 2014 году Россия стала первой мировой державой, решившейся на фундаментальном уровне оспорить западное политическое лидерство на мировой арене. И это была не просто критика предпринимаемых Западом действий, как в случае с Косово, Ираком и Ливией. Это было демонстративное отрицание монополии Вашингтона и Брюсселя на принятие решений о том, какие процессы должны происходить в Европе. Теперь стало очевидным наличие в странах Восточного соседства ЕС конкурирующих институтов и противоборствующих норм – или, по крайней мере, противоборствующих интерпретаций и способов применения различных норм.

Москва настаивает на том, что сближение поддерживаемого Россией Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с ЕС возможно только на равных, как это произошло в случае интеграции ЕАЭС с китайской инициативой «Пояс и путь». И не желает видеть расширения европейского порядка по ориентированной на Брюссель модели.

Показательно, что провал подхода к европейской интеграции по модели Евросоюза видится фундаментальной угрозой самому либеральному международному порядку. Это указывает на то, что, с точки зрения Запада, сохранение текущего миропорядка как минимум частично зависит от продолжения политики атлантизма и американской однополярности, в дополнение к сохранению либеральными демократическими государствами статуса гегемонов в международных отношениях. Однако, что еще более важно, это указывает на глубокую уверенность Запада в том, что – если перефразировать Ричарда Саква из Кентского университета – распространение либерального порядка равнозначно распространению порядка вообще, и точка.

В то же время довольно часто упускается из виду тот факт, что окончание Холодной войны ознаменовало собой первую в истории настоящую попытку создать либеральный *мировой* порядок: взять нормы и институты западного либерального *международного* порядка эпохи Холодной войны и распространить их на весь мир. (Порядок межвоенного периода, включавший Лигу наций, можно назвать скорее протолиберальным ввиду недостаточного количества официальных международных институтов и опоры скорее на добровольное следование установленным принципам, нежели на строгие нормативные механизмы). Тот факт, что избежать войны в мечущейся между Востоком и Западом Украине не удалось, явно свидетельствует об очевидном провале этого проекта.

> События, приведшие к украинскому кризису, а также последовавшие за ним, не могли в одночасье фундаментально изменить соотношение сил, однако отразились на соотношении *влияния*.

Относительная легитимность западной гегемонии, уже постепенно ослабевающая со времен войны в Ираке, потерпела еще один ощутимый удар, в то время как Россия и Китай укрепили свои позиции. Москва гордится своей более полицентричной концепцией европейской и глобальной системы безопасности, в то время как Пекин развивает собственные международные институты и проекты в области экономической интеграции, в том числе Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и инициативу «Пояс и путь».

Иными словами, мы вновь наблюдаем соперничество великих держав. И вовсе не исключено, что благодаря расширению стратегического партнерства между Россией и Китаем, мы станем свидетелями возврата геополитики. Если эти две мировые державы евразийского «хартленда» объединятся против американской

морской мощи и союзников Вашингтона, представляющих «римленд», – Брюсселя и Токио. Москва объявила о «развороте на Восток» и выступила в поддержку создания Большого Евразийского партнерства вокруг ЕАЭС. Пекин, в свою очередь, стремится обеспечить выход Азии на европейские рынки при помощи инициативы «Пояс и путь», тем самым возвращая Евразию в центр международных отношений.

При всем при этом некоторые элементы современного порядка остаются незыблемыми. Если существование общепризнанных, основанных на четких правилах институтов и свободную торговлю считать его основными признаками, то ЕАЭС, АБИИ и «Пояс и путь» можно рассматривать как явления, дополняющие существующий порядок, а не противоречащие ему. Кроме того, иные организации, традиционно ассоциирующиеся с либеральным порядком (например, НАТО, ЕС и ООН), несмотря на различные трудности, сохраняют свои позиции.

> Таким образом, с 2014 года мы наблюдаем постепенное ослабевание связи между либеральным порядком и американской гегемонией.

Первый приобретает все более автономный характер, а вторая – вместо того, чтобы служить основой для глобального консенсуса, становится самоцелью. В итоге мы получаем размытую гегемонию и общую ответственность за управление мировой политикой. Это можно интерпретировать как своего рода демократизацию международных отношений, пусть и за счет возникновения в период президентства Трампа российско-американского и китайско-американского соперничества.

Один из постулатов либерализма гласит, что люди действуют рационально, исходя из своих собственных интересов. Согласно доктрине либерального интернационализма, то же верно и для государств. Тот факт, что мировые державы в настоящий момент более уверенно заявляют о своих интересах, вовсе не значит, что нам стоит ожидать каких-либо фундаментальных последствий.

> Конец «конца истории» вовсе не приравнивается к концу современного мирового порядка, исторические корни которого уходят намного глубже, чем момент окончания Холодной войны.

Несмотря на имеющиеся у Москвы и Пекина поводы для недовольства, они не отвергают основные институты и нормы, на которых основывается международная система. Так, открытость Китая США при правлении Дэна

Сяопина и «возвращение» России в Европу после падения «железного занавеса» привели к тому, что эти два евразийских гиганта внутренне переняли некоторые экономические и политические либеральные нормы. То есть, фактически, добровольно приняли элементы установленного Западом порядка, даже с учетом полного или частичного отрицания ими самой идеи западного лидерства.

Несмотря на признаки устойчивости, существуют мощные силы, способствующие дисбалансу и нестабильности. Глобальное равновесие материальных сил в настоящее время покоится на зыбкой почве между США в состоянии относительного спада и Китаем, пока не ставшим настоящей глобальной державой во всех аспектах. Балансу легитимности (или «нормативной» силы), в свою очередь, угрожает, с одной стороны, утрата Вашингтоном глобального лидерства, а с другой – желание Москвы и Пекина (тотчас же или постепенно) оказать противодействие американской однополярности. Предприняв попытку пересмотра европейского и азиатского региональных порядков, к которым они принадлежат.

Более того, Россия пока еще точно не определилась, каким хочет видеть свое будущее: то ли как государства в северной части Евразии, то ли как империи со сферой влияния в Европе. Москва уверяет, что ее проект по интеграции в рамках Большой Евразии открыт для участия европейских стран, что указывает на нерешенность извечного для российского общества вопроса о том, насколько европейской является сама Россия. Китай же, в свою очередь, находится в парадоксальной ситуации: являясь растущей по своей силе державой, он не имеет официальных союзников (кроме проблемной Северной Кореи). Еще с прошлого века за Китаем тянется шлейф жертвенности, и подобные исторические установки не дают ему чувствовать себя уверенно в роли державы, чья мощь постоянно растет.

> Таким образом, оба евразийских гиганта знают, *против* чего они возражают – против тотальной американской гегемонии и западного вмешательства в свои внутренние дела. Но четко и ясно сформулировать, *за* что они выступают, оба не в состоянии.

В кратко- или среднесрочной перспективе, пока ведущие акторы на мировой сцене заняты внутренними реформами и кризисами, это положение дел сохранится. По крайней мере, в течение значительной части следующего десятилетия. Для малых государств, расположенных между главными игроками, это непростая ситуация. Когда правила игры четко определены, они могут

извлекать выгоду из соперничества между великими державами, но теперь им приходится лавировать между существующими и (или) зарождающимися интеграционными проектами. В Восточной Европе такие малые государства расположены в геополитической «горячей точке», где явно ощущается нарастающее напряжение между Россией и Западом, а также отголоски текущего конфликта на востоке Украины.

Чтобы общее соседство ЕС и России стало оплотом регионального порядка, а не вакуумом, потребуется немалое государственное мастерство. И Вашингтон, и Брюссель, и Москва, и Пекин в разной степени поглощены внутренними разногласиями и вызовами, а это значит, что настало время небольшим государствам сыграть ведущую роль в построении фундамента мирового порядка.

Захарий Пайкин *- преподаватель международных отношений, Университет Кента (Великобритания); старший редактор, журнал «Global Brief», издаваемый Институтом вопросов 21-го века (Торонто, Канада).*

Wilfried Martens Centre for European Studies

The comment is part of the project “From Situational Analysis to Foresight: Deepening the Understanding of Immediate and Strategic Futures in the EU’s Eastern Neighbourhood”, which is implemented by the Wilfried Martens Centre for European Studies and the Konrad Adenauer Foundation in cooperation with the Minsk Dialogue Track-II Initiative. The project receives financial support from the European Parliament. Sole liability rests with the project implementers; the European Parliament is not responsible for the contents.

KONRAD ADENAUER STIFTUNG

Захарий Пайкин
Исследователь, Центр изучения европейской политики (CEPS); научный сотрудник, Институт мира и дипломатии; член Экспертного совета Совета по международным отношениям «Минский диалог»